

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.07

Правильная ссылка на статью:

Гергилов Р.Е. Стыд: социологическая перспектива // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 115—128.

For citation:

Gergilov R. E. Shame: a sociological perspective. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 2. P. 115—128.

Р. Е. Гергилов СТЫД: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

СТЫД: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

SHAME: A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

ГЕРГИЛОВ Ростислав Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-MAIL: gerro@mail.ru ORCID: 0000-0001-6944-4820

Rostislav E. GERGILOV^{1,2} — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor; Associate Research Fellow E-MAIL: gerro@mail.ru ORCID: 0000-0001-6944-4820

¹ St Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

² Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. В статье описаны социальные характеристики стыда. В первую очередь, он связан с такими природными и социальными чертами человека, как возраст, пол, стигматизация или статус, от которых могут зависеть тип, частота и интенсивность стыда. Возрастные периоды — детство, юношество и старость — чаще провоцируют обусловленный стыдом кризис идентичности, ввиду того, что многочисленные компетенции человека в первых случаях ещё недостаточно развиты и закреплены, а в последнем — частично или целиком потеряны. Существуют сходства и различия в переживании стыда и в обра-

Abstract. The article describes social characteristics of shame. Shame is primarily associated with individual's innate and social traits such as age, gender, stigma and status that shape the type, frequency and intensity of shame. Life periods — childhood, youth and old age — often cause the identity crisis driven by shame as numerous competences of human are not properly developed and solid enough at the first stages, and partially or fully lost at the last stage. There are similarities and differences between males and females when experiencing and dealing with shame. Feelings of shame are often shaped by education and, in

щении с проявлением этого чувства у мужчин и женщин. Влияют на ощущение стыда воспитание и, во многих случаях, социальное происхождение. Стыд напрямую связан с нежелательными характеристиками человека, названными И. Гофманом «стигмой», с типами стигматизации, её способностью провоцировать стыд и приводить к кризису идентичности. Большую роль в этом случае играет конкретный социальный статус индивида, например: статус беженца, пенсионера, или просто бедность, который делает переживание стыда более вероятным.

Ключевые слова: стыд, статус, стигма, возраст, гендер, Шелер, Гофман, Зиммель, Элиас

many cases, social origin. Shame is directly linked to undesirable characteristics (called «stigma» by Goffman), various types of stigmatization, and its capacity to produce a sense of shame leading to identity crisis. What plays an important role is individual's social status (refugee, retired person or just poverty) which is likely to cause feelings of shame.

Keywords: shame, status, stigma, age, gender, Scheler, Goffman, Simmel, Elias

Стыд проявляется в конкретных формах, которые зависят от того, какие личностные черты демонстрирует человек. Чаще всего это черты социальные. Они определяют, чего, как часто и с какой интенсивностью человек стыдится. Определенные черты в особой степени провоцируют стыд. В зависимости от этих черт стыд по-разному распределяется в рамках общества, то есть одни группы индивидов сильнее подвержены чувству стыда, чем другие. К этим чертам относятся, например, возраст, пол, стигмата и социальный статус.

Возраст

В зависимости от своего возраста человек в разной степени интенсивности попадает в ситуации стыда. Два возрастных периода, чаще всего, провоцируют обусловленные стыдом кризисы идентичности: детский и юношеский, с одной стороны, и старческий — с другой. Это касается трех форм стыда: дети и юношество, как и пожилые люди, более интенсивно переживают телесный, психический и социальный стыд. Причиной неравномерного распределения стыда в разные периоды жизни является развитие идентичности человека. Она выстраивается в течение ряда лет до тех пор, пока не достигается определенная степень стабильности и прочности (с этого момента времени говорят о взрослом состоянии), и подлежит в пожилом возрасте еще раз сильным изменениям. Периоды жизни, отмеченные резким изменением идентичности, неуверенностью в своей идентичности, это и периоды, в которые человек обычно переживает кризисы идентичности, а следовательно, чаще стыдится.

В детском и юношеском возрасте такая неуверенность касается собственной идентичности, так как ее еще нужно создать и стабилизировать. В таком возра-

сте идентичность менее «готова», чем идентичность взрослых. Дети и юношество во многих отношениях должны себя еще открыть; они еще недостаточно знают себя и свои возможности. И многочисленные компетенции, приобретаемые человеком с годами, у них еще недостаточно развиты и слабо закреплены. Если эти компетенции с определенного возраста становятся частью идентичности ребенка, но им управляют слабо, то тем самым они провоцируют проявление чувства стыда. К тому же дети, соответственно, юношество обычно попадают в ситуации, в которых им открываются новые неизведанные возможности, для которых они не обладают еще четким образцом поведения и поэтому обязаны действовать методом проб и ошибок. Поэтому вероятность неудачи и, как следствие, возможность пережить кризис идентичности больше, чем в другие периоды жизни.

К недостаточно освоенным компетенциям относится, например, владение телом. Дети еще не могут владеть своим телом, использовать его в качестве инструмента своей воли в той степени, в какой этим обладают взрослые. Чем младше ребенок, тем больше он зависит от «природности» (естественности) своего тела. Но неудачный контроль там, где он является уже составной частью идентичности, производит стыд. В конечном счете, в подростковом возрасте происходят серьезные телесные изменения, приобретается опыт сексуальности, который буквально сотрясает телесную идентичность, усиливая провоцирование стыда. Т. Цихе описывает новую чуждость подросткового тела таким образом: «Я чувствовал себя в этом теле, как нечто неготовое, недостаточное. Это тело было капризным, зачастую уставшим, обессиленным, влажным от пота. Оно выставляло меня перед оценивающими взглядами других. Случайная гордость им была очень нестабильной в свете кажущихся ожиданий и сравнений других. В этом теле еще не жила моя психика, она чувствовала себя как в доме, который вначале каждому кажется чужим». [Ziehe, 1984: 53]. Такое «неуверенное» тело становится поводом к стыду. И о том, кто они, о своей физической конституции дети и юношество имеют слабое представление и поэтому нередко переживают постыдные разочарования. В подростковом возрасте переживания имеют новый, неизвестный характер. Время от времени просыпаются бурные чувства, в которых подростки еще не совсем уверены. Наряду с этим дети и юношество знакомятся и осваивают социальные нормы и ценности далеко не с такой уверенностью, как взрослые. Но такая нормативная неуверенность угрожает их социальной идентичности и делает их более восприимчивыми к стыду [Landweer, 1999: 85—87]. Поэтому еще Аристотель говорил, что стыд является типичным для юных лет, но значительно менее типичен он для взрослого состояния. Так как последние знают, что такое хорошо, а что такое плохо, они ведут себя соответственно и поэтому реже попадают в ситуации стыда [Аристотель, 1983: 143]¹. В детском возрасте «еще нет» компетенций, что значительно чаще вызывает стыд. И, напротив, в пожилом возрасте «уже нет» компетенций, и их отсутствие вызывают физические недостатки, кризис идентичности и стыд. При этом пожилой возраст — это период, возможно, более чаще и интенсивней вызывающий стыд, чем детский и подростковый. В детском и юношеском

¹ М. Левис добавляет еще одно основание, почему дети стыдятся чаще взрослых. Делая переживание стыда зависимым от стиля атрибуции, он отмечает зависящие от возраста изменения самого стиля атрибуции. Чем младше ребенок, тем скорее он атрибутирует неудачи глобально и поэтому переживает стыд [Lewis, 1993: 105].

возрасте кризисы идентичности имеют место ввиду неполного распоряжения ребенком тем, что в дальнейшем в полной мере будет находиться в распоряжении взрослого. В старости, напротив, речь идет о вызывающих стыд потерях того, что было значимо в прошлом. Старость связана с такими сильными изменениями, которые Ж. Эмери описал как процесс самоотчуждения [Améty, 1968]. Но проявления самоотчуждения могут разрастаться до кризисов идентичности и становиться причиной стыда. Эти изменения вызывают неуверенность в том, что относится непосредственно к собственной идентичности индивида. Старый человек теряет — частично или целиком — множество основных компетенций, определявших прежде его идентичность. С точки зрения телесной, духовной и социальной, он уже не тот, кем был ранее. Точнее, он стал «недостаточнее», «ущербнее», чем был однажды. Изменения демонстрируют потери — ухудшение здоровья, красоты, свободы и социального признания, и эти потери зачастую воспринимаются через призму стыда. Наступающий в старости кризис идентичности как некий «зазор» между образом индивида о себе и его актуальным состоянием определяет и К. Гренинг. Этот зазор становится продолжительным поводом стыда. При этом и у Гренинга стыд определяется как кризис идентичности: «Кто стыдится, тот идентифицирует себя либо с собой, либо (собственно я совершенно другой) с собой прежним или с другими, которые более отвечают его идеалу» [Gröning, 1988: 115].

К признаваемым потерям относится разрушение тела, проявления «естественных» процессов, утрачиваемый над ними контроль, болезни, деформация костного состава и зашлакованность организма, вызывающие стыд. Старый человек переживает свое состояние в доселе незнакомом виде: как существо слабое, ранимое или даже смешное. При этом недостаточный самоконтроль и слабоумие, как следствие ослабления психомоторики, будут также провоцировать стыд, как и осознание уменьшения автономии и возрастающей зависимости от других и потребности в их помощи и уходе.

Но и социальная идентичность пожилых людей также подвержена изменениям. По крайней мере, в европейской культуре социальный образ старости приобретает сильно выраженные негативные черты. В рамках социальной структуры пожилому человеку уготовано иное место.

Из работающего и поэтому общественно полезного члена социума он превращается в неработающего и, тем самым, в некий «беспольный балласт». В этом смысле современные общества производят дополнительный — социально обусловленный — стыд, односторонне интерпретируя старость как недостаток, а повседневность пожилого человека организуют обычно таким образом, что она воспринимается им постыдной и недостойной. Особенно вызывающей стыд выглядит современная картина пожилого человека, в соответствии с которой он характеризуется определенным набором клише. Намного сложнее представлять собою беспомощную персону и соответствовать образу представителя возрастного меньшинства. Но если индивид смог убедить окружение в ложности своего восприятия, то тогда его ждет не менее легкая работа быть наравне с молодыми. С точки зрения социологической теории идентичности, такая позиция содержит в себе некоторые риски, чувство «я такой же, как и все, вполне нормальный человек» в пожилом возрасте небезопасно. Стареющему человеку устанавливается

масштаб действий, которому он не может соответствовать. Там, где этот масштаб интегрирован в идентичность, но пожилой человек не в состоянии ему соответствовать, уже запрограммированы кризисы идентичности. Вследствие такого негативного образа старости в современных европейских обществах старость скрывается из чувства стыда². В современном социуме стыд предстает основным ощущением для пожилых людей; он является причиной их пониженной ангажированности, социальной пассивности и ухода в себя³.

То, что проявления стыда в пожилом возрасте больше зависят от социальных интерпретаций старости, чем от физических и психических состояний, демонстрируют общества, в которых этот этап жизни рассматривается иначе, чем лишь одностороннее осознание потерь. Например, в некоторых традиционных обществах старость выступает скорее как повод для гордости, поскольку пожилой человек оценивается как человек с богатым жизненным опытом, способный решать серьезные задачи. Его социальное положение особенно высоко. Проявления стыда — если они имеют место — происходят значительно реже.

Гендер

Гендерные характеристики также оказывают влияние на то, чего и с какой интенсивностью стыдится человек. В плане проявления стыда гендерные различия вначале сводятся к анатомическим различиям, обуславливающим различные виды телесного стыда. В некоторых деталях мужчина и женщина по-разному зависят от своего тела. К этому относится, например, для мужчины — стыд за импотенцию или непроизвольную эрекцию, для женщины — стыд за такие телесные функции как менструация, беременность, роды или кормление грудью.

Однако специфические половые различия в плане ощущения стыда сводятся в основном к отклоняющимся социальным значениям термина «мужчина» и «женщина», то есть к социальному гендеру. Эти различия выражены намного более четко, чем те, которые имеют своей причиной телесные различия. Так, на основании социальных значимостей и смыслов, тело, особенно привлекательное тело, для женской идентичности во многих социумах имеет намного большее значение, чем у мужчин для мужской. Женское тело подчинено большему количеству социальных норм, с которыми оно соотносится и которые женщина может нарушить. Поэтому телесный стыд, особенно стыд (возможной) недостаточной привлекательности, затрагивает в большей степени женщину.

В принципе, множество специфических гендерных различий ощущения стыда имеют социальное происхождение. Мужчина и женщина подчинены различным социальным нормам, которых они придерживаются, но которые они и непроизвольно нарушают, переживая при этом чувство стыда. Самых мужчину и женщину можно рассматривать как некую совокупность гендерных норм, неисполнение которых ставит под сомнение идентичность в целом и вызывает интенсивное чувство

² Гренинг пишет: «Сегодня окружение требует от каждого пожилого человека, чтобы он прилагал необходимые усилия для борьбы со своей старостью и, в то же время, оставял при себе сопровождающие этот процесс старения проблемы и конфликты» [Gröning, 1988: 23].

³ Так у Гренинг: «На мой взгляд, процесс старения протекает все больше и больше в рамках треугольника: потери, страх и стыд» [Gröning, 1988: 11].

стыда: это стыд не быть настоящим мужчиной или не быть настоящей женщиной. К тому же, как следствие, специфические гендерные нормы и ценности обладают специфическим содержанием. Так М. Левис называет для мужчин два основных триггера ситуаций стыда: первый — это неудача при выполнении важной задачи, при реализации своей способности, в которой он уверен; второй — сексуальная импотенция. Напротив, женский стыд соотносится, во-первых, с телесной привлекательностью в ситуациях обращения на себя внимания; во-вторых, с неудачами в межличностных отношениях [Lewis, 1993: 237—239]. Гендерно обусловленные различия в ощущении стыда социальные психологи сводят к стилю воспитания.

По мнению М. Хильгерс, в воспитании мальчиков и девочек такие близкие стыду феномены, как стеснительность, робость, конфуз или их оппозиция — нахальство, оцениваются по-разному, и поэтому они по-разному находят отражение в их поведении [Hilgers, 1996: 198]. М. Левис гендерные различия сводит к различным атрибутивным стилям, которые, в свою очередь, отсылают к отклоняющимся стилям воспитания. Так, например, поведение мальчиков родители интерпретируют иначе, нежели девочек; комментарии относительно поведения девочек обычно более негативно нагружены, чем поведения мальчиков. Учитель критикует мальчиков скорее специфически, девочек — обобщенно. Вследствие этого женщины «в случае неудачи предпочитают скорее внутренние интерпретации, а в случае успеха — внешние; мужчины поступают наоборот». И неудача у женщин, в отличие от мужчин, определяется скорее глобально, то есть они используют атрибутивный стиль, производящий стыд [Lewis, 1993: 141]. По Левису, там, где речь идет о компетенции (не о качествах), женщины стыдятся чаще мужчин.

Обращение с проявлением чувства стыда также различно между полами. Так, женщины в принципе чаще, чем мужчины признаются в переживании ими чувства стыда. К тому же, как считает Хильгерс, мужчины переживают стыд намного более агрессивно, чем женщины, порой с применением насилия. Очевидно, женщины склонны к внутреннему (порой депрессивному) переживанию стыда, в то время как мужчины, нередко, пытаются предпринять попытки компенсации этого чувства [Hilgers, 1996: 198]⁴. Эти особенности обращения с чувством стыда создают впечатление, будто женщины стыдятся чаще, чем мужчины, то есть стыд — это неким образом женский феномен. Насколько это впечатление справедливо, могут показать дальнейшие исследования. В ходе них можно проверить точку зрения того же Фрейда, утверждающего, что «развитие сексуальных нарушений (стыд, отвращение, сочувствие-жалость и т. д.) у маленьких девочек происходит раньше и с меньшим сопротивлением, чем у мальчиков; склонность же к вытеснению сексуальности проявляется сильнее» [Freud, 1972: 120]. Как минимум для физического аспекта стыда — покраснения — невозможно установить различия в восприятии стыда у женщин и мужчин [Mariauzouls, 1996: 55]. На наш взгляд, следует критически относиться к трактовкам, подобным шелеровской, в соответствии с которыми гендерные различия при переживании стыда, как сущностно (в отличие от социально сконструированных) понятия, сводятся лишь к половым различиям. По Шелеру,

⁴ Это подтверждает и М. Левис: «Мужчины ощущают скорее вину, чем стыд, и если они ощущают стыд, они преобразуют его в гнев; женщины ощущают скорее стыд, чем вину, и склонны трансформировать стыд в депрессию» [Lewis, 1993: 235].

хотя чувство стыда и присуще обоим полам, однако мужчине свойственны порядочность и благородство «душевного чувства стыда», женщине свойственно «телесное чувство стыда». То, что ввиду этого женщина ощущает не только другую, но и низшую форму стыда, связано с тем обстоятельством, что она принципиально менее способна отделять духовные акты от витальных функций. Но именно таким образом более четкое сознание дистанции между духом и воплощенной душой, между персоной и плотью является конститутивным условием всякого специфически душевного стыда. «Именно ввиду почти полного отсутствия дуализма духа и жизни исчезает основное условие переживания душевного чувства стыда» [Scheler, 1957: 146]. Однако здесь предпосылка «сущностных» гендерных различий и вытекающих отсюда различий в поведении субъектов стыда смещается в область метафизического.

Исследования гендерно обусловленных ощущений стыда исходят как раз из социальной установки пола и касаются роли, которую играет стыд в процессе этого производства. Они демонстрируют, насколько определенные социальные концепты стыда участвуют в создании этих ролей. Так на примере анатолийской деревни, как в христианском и исламском средиземноморье, так и в арабском мире разделение полов поддерживается с помощью концепций стыда и чести. Здесь честь женщины определяется, по сути, посредством стыда по отношению к мужчине. К этому относится покрытие головы и скрывание телесных функций, а также вообще стеснительное и настороженное отношение к мужчинам [Petersen, 1985: 34]⁵. Честь мужчины определяется посредством стыдливости его жены и — по сути выставленные напоказ перед другими мужчинами — сила и решимость в защите чести его жены. Таким образом, концепт стыдливости производит гендерные роли: женщина как стыдливое сдержанное существо, мужчина как сильное, не сомневающееся в себе существо. Правда, исследования такого рода очень односторонне интересуются подобными проявлениями стыда, находящимися во взаимозависимости с производством гендера. Поэтому о де-факто существующих различиях в ощущениях стыда они говорят мало. Так, например, насколько мужчины ощущают телесный стыд, остается невыясненным. Хотя стоит заметить, что большинство имеющихся данных указывают скорее на подчиненную роль стыда в становлении мужской половой идентичности.

Стигматизация

Наряду с возрастом и полом имеется ряд черт, влияющих на проявление чувства стыда индивида. Сюда следует отнести, прежде всего, социально нежелательные свойства человека. Именно они в большей степени генерируют кризисы идентичности. Такие особенности И. Гофман называет «стигмой». Стигматизированные индивиды характеризуются обладанием того или иного «маложелательного свойства», которое их «марает», «унижает» и дискредитирует [Goffman, 1970: 10—12]. Это свойство так сильно стремится выйти на первый план, что другие свойства (особенности), по сути, не могут больше восприниматься. Индивид обладает стигмой, то есть в нежелательной степени он иной, чем мы это предполагали. Исходя

⁵ Данные Андреи Петерсен подтверждаются исследованиями чувства стыда в персидско-исламской культуре М. Бахтияра [Bakhtiar, 1994].

из такого понимания, мы полагаем, что индивид со стигмой не совсем-то и человек [Goffman, 1970: 13, 22]. Стигма определяется отклонением от «нормального». Следствием ее действия является то, что другие индивиды дистанцируются от стигматизированных; последние уже так просто, как ранее, не принимаются в сеть социальных коммуникаций. Эти другие индивиды — «нормальные», то есть те, кто «не отклоняется от соответственно актуальных ожиданий» [Goffman, 1970: 13]. Однако «нормальные» и «стигматизированные» не представляют принципиально различные группы. Так, по сути каждый ошибочный поступок может стать стигмой: «Даже самый счастливый нормальный человек имеет старательно скрываемый недостаток, а для каждого маленького недостатка существует ситуация, в которой он может принять угрожающую форму» [Goffman, 1970: 157].

В этом смысле Гофман говорит о «нормальных» и «стигматизированных» перспективах. Каждый человек чувствует себя однажды стигматизированным: «Каждому кажется, что его в полной мере не воспринимают окружающие; каждому кажется, что за его поведением слишком пристально наблюдают» [Goffman, 1970: 164].

Тем не менее, имеются признаки, делающие индивидов таковыми, чтобы их воспринимали как стигматизированных. Гофман приводит три типа такой стигматизации. Первый — это безобразие тела и различные физические деформации. Второй — индивидуальные недостатки характера, воспринимаемые как слабости, захватывающие целиком или неестественные страсти, определенное упрямство во мнении и бесчестие. Эти стигматизации исходят из некоего каталога, содержащего такие атрибуты, как душевное расстройство, тюремное заключение, мания, гомосексуальность, хроническая безработица или склонность к суициду. Третье — филогенетическая стигматизация: раса, нация или религия [Goffman, 1970: 12—13]. В отличие от других, индивиды с такими свойствами чувствуют себя стигматизированными не только изредка, но и во многих социальных ситуациях.

Индивиды со стигмой такого рода чаще попадают в ситуации стыда, чем «нормальные» индивиды. Ввиду того, что стигматизация производит кризисы идентичности, индивиды порой относятся к себе амбивалентно. Индивид со стигмой обладает свойством, оцениваемым социумом как плохое и полное изъязнов, и кажущимся ему самому чуждым, от которого он хочет избавиться. По отношению к этому чувству индивид старается занимать амбивалентную позицию: «Это я, но это и не я». Он, как бы, «раздваивается»: ввиду желания быть нормальным человеческим существом, он как раз таки и не может быть таковым; он должен оставаться индивидом, которому отказано в претензии на нормальность⁶. Стигматизированный стремится, как и все остальные члены общества, к определенным стандартам идентичности, которые он примеряет к себе, но которым он, в отличие от «нормальных», не может соответствовать. Специфическая ситуация стигматизированного такова, что общество ему говорит, что он является членом большой группы, что в свою очередь значит, «он — нормальное человеческое существо, но что он в определенной степени «другой», и было бы глупостью эти

⁶ Гофман трактует это удвоение как расхождение между «виртуальной» и «актуальной» идентичностью, то есть как расхождение между ожиданиями определенных атрибутов индивида и имеющимися в наличии атрибутами [Goffman, 1970: 10].

различия отвергать» [Goffman, 1970: 154]. Стыд становится основной, а порой и единственной возможностью реагировать на эту ситуацию, то есть реагировать на стигматизацию. В принципе, такая ситуация заканчивается лишь тогда, когда стигматизированный в состоянии вычленил эти критические свойства («нет, это не я») или отказаться от «нормальности», тем самым амбивалентное отношение уступает стигме («да, это — я»).

Стигматизирующее свойство тем больше провоцирует стыд, чем более важно это свойство для идентичности персоны, но и чем сильнее персона обязана себя с ним идентифицировать. Г. Зиммель утверждает, что врожденный телесный порок, то есть стигма, вызовет стыд с большей вероятностью, чем позднее полученный в результате несчастного случая: «Если к первому мы чувствуем наше Я принадлежащим, то второй, как случайное событие, мы относим к миру вне нас. Только второй дает нам почувствовать двойное Я: действительное — ущербное, неполноценное, и нормальное — целостное, по сравнению с которым первое и выглядит некоей патологией [Simmel, 1992(b): 144]⁷. Особенно низшая позиция, недостаточный статус оказывает стигматизирующее, а поэтому вызывающее стыд влияние. При этом стыд, вызывающий кризис, провоцируется как встречей с «нормальными», так и со стигматизированными персонами. «Нормальный» вызывает стыд тем, что взгляд извне он актуализирует на себе. В этом взгляде тот, на кого этот взгляд направлен (обозреваемый), осознает себя как стигматизированного, как отклоняющегося от нормальности; здесь налицо кризис идентичности. Однако и встреча со своей группой провоцирует стыд. В этом случае кризис идентичности возникает посредством того, что индивид как «нормальное» существо разделяет нормы этого сообщества, а следовательно, и уничижительное отношение представителей сообщества к себе, как к стигматизированной персоне. Но при встрече с другими стигматизированными он как бы вспоминает свою принадлежность к этой группе. Несмотря на свое нежелание, он понимает, что он ее член. Но внутреннее дистанцирование по отношению к собственной группе вызывает у индивида чувство стыда.

Социальный статус

Влияние на ощущение стыда имеет и социальный статус, которым обладает индивид, то есть его позиция в иерархически выстроенной социальной системе, связанной с определенной оценкой ценностей и престижем. Вместе с изменением позиции в рамках системы изменяется и вероятность попадания в ситуации стыда. Недостаточный статус выглядит как изъян. Его обладатели выглядят неполноценными и слабыми. Персоны с недостаточным статусом, как правило, начинают рассматриваться как менее ценные граждане «второго» сорта. Поскольку недостаточный статус представляет стигму, он ведет в то же время к тому, что вся сложность личности находится в тени недостатка статуса. Статус становится репрезентацией личности [Neckel, 1991: 218]. Поэтому как стигма в общем, так и недостаточный статус вызывают типичный для стыда кризис идентичности: личность обладает этим статусом, но в то же время как содержащий этот изъян, он ей чужд; это ее

⁷ Этот подход используется и в исследованиях психологов [Lehmann, 1991: 832].

статус, но именно ввиду постоянного указания на него, она не чувствует себя им представленной. Амбивалентное отношение индивида к его статусу — «это я, но это и не я» — провоцирует стыд. Поэтому, что касается этой важной черты, индивиды с недостаточным статусом ощущают с большей вероятностью стыд, нежели индивиды с социально признанным статусом. Неравное распределение составляющих чувства стыда в обществе затрагивает и различия в распределении статусов.

При этом спровоцированный недостаточным статусом и вызывающий стыд кризис идентичности предполагает, что индивид в принципе чувствует себя ответственным за свой статус, то есть, используя язык когнитивной психологии, внутренне определяет его как неудачу. Чем в большей степени он старается вписать свою позицию в рамки социальной иерархии, тем вероятнее и интенсивнее проявляется стыд. Чем более недостаток будет рассматриваться как функциональная неполноценность, тем сильнее соотносится социальное неравенство с социальной подчиненностью самого стыдящегося индивида [Neckel, 1991: 193]. Личность «раздваивается» на существо с дефицитом статуса, с одной стороны, и на существо, которое «собственно» должно обладать более высоким статусом, но посредством своей неудачи не достигает уровня этого существа, — с другой. В этом смысле современные общества, характеризующиеся высокой степенью индивидуализма, увеличивают вероятность проявления чувств, связанных со стыдом, так как социальный статус они рассматривают как результат исключительно индивидуальных заслуг.

Недостаток статуса может выражаться самым различным образом. Персоны с недостаточным статусом — это, как правило, иностранные меньшинства, среди которых беженцы или индивиды с видом на жительство, бедные, зависящие от государственных субсидий, безработные, продолжительное время не имеющие работы, получатели социальных пособий или пенсионеры. Таким образом, у иностранных меньшинств и переселенцев отсутствуют все черты, свойственные туземному населению.

Особенно посредством запрета на работу и предоставления социального жилья они не только отграничиваются от остального общества, но им закрываются все пути и источники социального признания. «Поэтому быть переселенцем — это значит занимать социальную позицию, которая буквально недостойна» [Neckel, 1991: 221]. Уже само желание быть «нормальным» гражданином с полноценными правами и обязанностями зачастую вызывает у переселенца стыд.

Схожее чувство вызывает принадлежность к низшему классу или слою общества. Стыд проявляется особенно в тех случаях, когда принадлежность к тому или иному социальному слою действует на самого индивида как его личный изъян. Типичен этот стыд для североамериканского общества, в котором эта принадлежность с позиций пуританства односторонне рассматривается как достижение или как неудача индивида. К этому можно добавить внеклассовое желание проложить себе путь от деревянной хижины до Белого дома. Любая задержка на этом пути, а уж тем более любое отступление на этом фоне, рассматривается как неудача и ведет к проявлениям чувства стыда, от которого, в принципе, избавлены лишь «лучшие из высших» [Mead, 1976: 204].

Безработица считается интернализированным статусом и поэтому делает переживание стыда более вероятными. Так как без работы человек теряет не только

материальные средства существования, но и нормальное участие в общественной жизни, важные источники социального признания. Кризисы идентичности дополнительно вызываются тем, как в том или ином случае общество относится к безработному. Он подвергается различным техникам пристыжения, например, диффамации его как «неудачника» или «лентяя». Кроме того, производятся нападки на частную сферу, как, например, в форме проверки имущества⁸. Бедность, особенно крайняя бедность — нищета, также выступает стигмой и влияет на состояние статуса. Поэтому с большой вероятностью бедность производит стыд⁹. По К. Салентину, стыд является «вторичным стрессовым фактором» бедности [Salentin, 2000: 76]. «Социально бедность выступает показателем или даже синонимом негативно оцененных свойств» [Salentin, 2000: 72]. Она обозначает потерю репутации (предполагаемую или реальную) и грозит повреждением престижа индивида, поэтому наступление вызывающих стыд кризисов идентичности становится вероятнее¹⁰. Претендуя на положение «нормального» человека, бедный стыдится своих недостатков.

При этом кто или что в обществе характеризуется как «бедный» представляет собой достаточно относительный феномен. Бедность определяется всегда с учетом социального слоя, к которому принадлежат, некоторым дефицитом, будь то материального или социального свойства. В этом слое бедный находится в двойственном положении: слой — суть масштаб и рамки для него, без того, чтобы он ему полностью соответствовал и в нем целиком растворялся¹¹. На этом основании у каждого слоя есть свои бедные, со сравнительно большей вероятностью подверженные переживать обусловленные стыдом кризисы идентичности.

К тому же для бедных людей взгляд Другого играет особую и порой двусмысленную роль. С одной стороны, этого взгляда опасаются; сам страх опять же потенцируется его осознанием: бедный человек воображает, что за ним постоянно наблюдают и осуждают его, он часто «удваивается», активируя взгляд со стороны¹². С другой стороны, стыд у очень бедного человека может возникнуть по поводу того, что сам этот человек другими более не воспринимается. Если прохожий не имеет намерения подать уличному нищему милостыню, он, как правило, не одаривает его ни тактильными контактами, ни взглядом. Здесь отсутствует признание даже в самой малой форме; наличествует лишь принятие во внимание.

Наряду с недостаточным статусом, действующим как стигма, существуют еще статусные составляющие, в особой степени вызывающие переживания стыда.

⁸ В случае «проверки потребности» клиент определенным образом «вынужден поставить на кон свои материальные интересы ради претензии на личное уважение» [Neckel, 1991: 222].

⁹ Л. Вурмзер характеризует бедность как феномен, который во многих культурах характеризуется как позорный и постыдный недостаток [Wurmser, 1998: 46].

¹⁰ Такого же мнения придерживается и К. Салентин: «Несколько спекулятивно выражаясь, можно даже предположить, что очень бедные люди не испытывают никакого смущения, так как не теряют никакого социального веса, в любом случае не по поводу указания на их бедность. Поэтому их поведение не следует изучать с точки зрения угрозы их репутации» [Salentin, 2000: 73].

¹¹ И Зиммель устанавливает одновременные пребывания в границах общества и за его границами в качестве центральной черты бедняка. С одной стороны, бедный человек выступает как «нормальный» гражданин, с другой — как объект государственного попечения, которое относит его к группе аутсайдеров [Simmel, 1992(a): 512—514].

¹² Достоевский Ф. М. Бедные люди. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. С. 113

Индивиды с недостаточными составляющими статуса не всегда отвечают консистентным ожиданиям общества, то есть они не формируют никакой социальной идентичности для других. Это как раз тот случай, когда различные ресурсы — деньги, знания, ранг и принадлежность не находятся в адекватном отношении соответствия друг с другом. Тот, кто «не соответствует квалификации» или «неудачно женился», кто не в состоянии обеспечить себе «соответствующий статусу» стиль жизни или отрезан от прошлого соответствующего стиля, находится, тем самым, в позиции, обозначаемой в социологии как «несоответствующая» [Neckel, 1991: 223]. Следствием статусных несоответствий является не только то, что другие индивиды не знают точно, с кем они имеют дело и какова социальная ценность той или иной персоны. Но и самой статусно несоответствующей персоне не ясно, кто она и какой идентичностью обладает. Следствием этого выступает неуверенность в групповой принадлежности и, поэтому, в индивидуальном поведении. Неуверенность такого рода может резко преобразоваться в кризис идентичности и вызвать стыд. К тому же возникает стыд, вызванный невозможностью создать на нормативной базе согласованный статус.

Уже Элиас утверждает, что неясное положение между двумя классами способствует возникновению стыда. Он отмечает «особую проблематику» поднимающихся социальных слоев, по-настоящему не принадлежащих ни к высшим, ни к низшим слоям общества, особенно «мелкобуржуазных прослоек» [Elias, 1991: 425]. Последние развивают «сверх-Я» по образцу высшего слоя, они идентифицируют себя с ними — но больше чем «имитации» лишь «чужой модели» им не достичь. Им недостает уверенности в поведении, вкусе, в образовании. «Люди в этом положении частью своего сознания осознают перечень запретов и заповедей высшего слоя как обязательные для себя, без того чтобы с той непринужденностью и органичностью их придерживаться, как это делают представители последнего. Это является противоречием высшего слоя в них самих, представленное посредством «сверх-Я» и их неспособностью повышенные требования к себе выполнять. Это постоянное внутреннее напряжение придает их аффектам и их поведению особый характер [Elias, 1991: 426—428]. Это внутреннее напряжение Элиас характеризует как стыд. Действительно, интегрированный в идентичность, но, тем не менее, всегда остающийся чуждым мир высшего слоя порождает типический кризис идентичности неофита. Еще одним тонким наблюдателем таких процессов является П. Бурдьё [Bourdieu, 1987: 330—332]. Он демонстрирует, насколько буржуазная культура, хотя и проникает как ценность в социальные слои, но саму культуру сводит к канону буржуазной социальной среды. Следствием является то, что все другие слои ориентируются на нормы и ценности буржуазии, не имея возможности им до конца соответствовать. Особенно мелкий буржуа, охотно сравнивающий себя с крупными представителями этого сословия, старается освоить чуждый ему вначале образ тела и чужой язык этого сословия, что удается ему далеко не всегда. Следствие этих попыток — постоянная путаница, неуверенность, смущение и скованность. Внутренняя отчужденность, которую вызывает интернализированный буржуазный мир, ведет в то же время к типичной для стыда раздвоенности и кризису идентичности: мелкий буржуа теряет свое внутреннее единство, становится не идентичным себе. Он постоянно возвращается к тому

психологическому состоянию, в котором он больше быть не желает, к состоянию мелкого буржуа. Однако несоответствие буржуазным нормам и ценностям и стыд, вызванный этим обстоятельством, свойственен не только мелким буржуа, но и другим социальным слоям, как только эти ценности начинают внедряться в индивидуальную идентичность.

Список литературы (References)

Аристотель. Никомахова этика. Сочинения в четырёх томах. Т. 4. М. : Изд. Мысль. 1983. [Aristotle (1983) *Nicomachean Ethics*. The complete works in four volumes. Vol. 4. Moscow: Mysl'. (In Rus.)].

Améry J. (1968) *Über das Altern: Revolte und Resignation*. Stuttgart.

Bakhtiar M. (1994) *Das Schamgefühl in der persisch-islamischen Kultur*, Berlin.

Bourdieu P. (1987) *Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft*, Frankfurt/Main.

Elias N. (1991) *Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Zweiter Band*. Frankfurt/Main.

Freud S. (1972) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, in: *Sigmund Freud: Gesammelte Werke*. Fünfter Band. Werke aus den Jahren 1904—1905. London.

Goffman E. (1970) *Stigma. Über Techniken der Bewältigung beschädigter Identität*, Frankfurt/Main.

Gröning K. (1988) *Entweihung und Scham. Grenzsituationen in der Pflege alter Menschen*. Frankfurt/Main.

Hilgers M. (1996) *Scham. Gesichter eines Affektes*. Göttingen/Zürich.

Landweer H. (1999) *Scham und Macht*. Tübingen.

Lehmann H.-T. (1991) *Das Welttheater der Scham*. *Merkur*, 45. Jg., Oktober..

Lewis M. (1993) *Scham. Annäherung an ein Tabu*. Hamburg.

Mariauzouls C. (1996) *Psychophysiologie von Scham und Erröten*. Zürich.

Mead M. (1976) *...Und haltet das Pulver trocken!* München.

Neckel S. (1991) *Status und Scham*. Frankfurt/New York.

Petersen A. (1985) *Ehre und Scham. Das Verhältnis der Geschlechter in der Türkei*. Berlin.

Salentin K. (2000) *Armut, Scham und Stressbewältigung. Die Verarbeitung ökonomischer Belastungen im unteren Einkommensbereich*, Wiesbaden.

Scheler M. (1957) *Über Scham und Schamgefühl [1933]*, in: *Max Scheler: Zur Ethik und Erkenntnislehre*. Bern.

Simmel G. (1992a) Der Arme, in: Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung, Gesamtausgabe Bd. 11, hrsg. von Otthein Rammstedt, Frankfurt/Main.

Simmel G. (1992b). Zur Psychologie der Scham. Frankfurt/Main.

Wurmser L. (1998) Die Maske der Scham. Berlin.

Ziehe Th. (1984) Nackt und bloß der Entzauberung entgegen. Erinnerungen an einen Szenenwechsel. Berlin.